

*Е.А. Шершнева***Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в.****E.A. Shershneva***Problems of Muslim Education Reforming in the Russian Empire in the Beginning of the XXth Century**

Исследуется проблема создания единой системы школьного образования в рамках просветительской политики государства в начале XX в. Правительство стремилось ограничить влияние мусульманского духовенства на систему народного образования.

Ключевые слова: мусульманская община, новометодные школы, образование, мектебе, медресе.

In the beginning of the XXth century, necessity to create a school education unified system arises within the bounds of the state educational policy. The government aspired to limit influence of clergy on national education system.

Key words: Muslim community, new-method schools, education, maktab, madrasah.

С расширением территориальных границ Российской империи в ее состав вошли народы, имеющие отличную от русского компонента культуру, а также конфессиональную принадлежность. Начиная с 60-х гг. XIX в. правительство ставило перед собой задачу просвещения многонационального государства, поэтому возникла необходимость создания единой системы школьного образования. Особенно остро эта проблема начала ощущаться в начале XX в., когда страна подверглась существенным внутривнутриполитическим потрясениям. Между тем исламская религия всегда способствовала формированию воспитательных и образовательных традиций магометанского общества [1, с. 37–38], поэтому не учитывать данный фактор в этом процессе было невозможно.

Основную структуру мусульманского образования составляли конфессиональные школы (мектебе и медресе). Данные школы целиком находились в ведении духовенства и заключали в себе получение конфессионального образования. В связи с этим духовенство играло важную роль в жизни мусульманского населения страны, придерживающегося религиозных традиций и обычаев [1, с. 39]. В то же время правительство всячески стремилось к ограничению роли духовенства в системе народного образования. Департаментом духовных дел за подписью сенатора Крыжановского, исполняющего обязанности министра внутренних дел, было указано Оренбургскому магометанскому духовному собранию принять к сведению, что преподавание не является прямой обязанностью духовенства

и в действующем законодательстве по этому вопросу никаких указаний нет [2, л. 12; 3, с. 135].

Обеспокоенность правительства в отношении зарождающейся в начале XX в. политической активности в мусульманской среде побудила преступить к активному реформированию системы конфессионального образования. В 1904 г. Министерством народного просвещения была организована комиссия по изучению состояния народного образования, возглавляемая тайным советником А.С. Буделовичем. По итогам проведенной проверки в мае 1905 г. состоялось собрание, на котором решался вопрос дальнейшего отношения правительства к системе инородческого образования: следует ли придерживаться политики невмешательства либо необходимо активно оказывать влияние на формирование системы мусульманского образования, но не вторгаясь в область религиозных убеждений [4, с. 278–279]. Правительством было принято решение занять все-таки активную позицию, итогом которой стали правила 31 марта 1906 г. о контроле Министерством народного просвещения за начальными училищами для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России.

Представителями магометанского общества крайне враждебно были восприняты данные правила. В них видели меру искусственного приобщения мусульманского народа к русской культуре. Мусульманская общественность считала, что следовало взять во внимание уже существующие учебные заведения, такие как медресе и мектебе. Программы данных

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Алтай (проект №12-11-22000 «Формирование и развитие религиозного ландшафта на Алтае: исторический опыт и современная ситуация»).

учебных заведений имеют свою литературу и достаточно высокую культуру по сравнению с другими инородцами. Правила в отношении мусульманских школ должны резко отличаться от школ других инородцев, не имеющих ни своей литературы, ни стройной системы, стоящих значительно ниже по уровню образованности по отношению к мусульманам. В этой связи мусульмане требовали, чтобы правила для них были составлены отдельно от остальных инородцев. Существующие на протяжении длительного времени мусульманские школы, по их мнению, не могут вписаться в предложенные правительством предписания. По правилам 31 марта 1906 г. ученик получал отрывочные знания по всем предметам, которые, как считала мусульманская общественность, не помогают ему бороться с деревенской нуждой. Считая задачи мусульманской школы священно-религиозными, традиционное магометанское общество не может их передать в ведение неизвестных чинов Министерства народного просвещения. Данные школы могут подчиняться только ведению духовного собрания, а соответственно, ни о каком совмещении со светской школой здесь не может идти речи. Общество считает, что такой предмет, как пение, вообще не дает никакой пользы в деле образования магометанского юношества. Решение в данном споре представители мусульманской общественности видели в некотором сокращении срока обучения в конфессиональной школе, а затем поступление в гимназии, реальные училища и университеты, где магометанскому населению должна даваться льгота по возрасту. Для мусульман более необходимо устройство сельскохозяйственных и технических школ, которые позволят приспособиться к условиям жизни [2, л. 95–97].

Представителями мусульманской общественности было составлено обращение к правительству, в котором очень подробно рассматривались те пункты правила 31 марта 1906 г., которые особенно противоречат мусульманскому устройству жизни. Согласно п. 2 предложенных правил, начальные училища были направлены на содействие нравственному и умственному развитию инородцев, улучшению их быта, а также на распространение знания русского языка и «сближению их с русским народом на почве любви к общему Отечеству» [5]. Однако в такой ситуации сразу же возникали противоречия, ведь за 6 лет обучения инородцам не давалось никаких знаний по земледелию или технике, поэтому о каком улучшении жизни можно тогда говорить. Исключение родного языка из программы данных школ также свидетельствует о потере связи с родной культурой и религией. Обращаясь ко второй части данного пункта, следует отметить, что на территории Российской империи проживает не только российский народ, но и иные этносы. Соответственно, правомернее было бы говорить о сближении со всеми народами,

населяющими государство. Вся формулировка данного пункта обвиняет мусульманское население в невежестве и неприязненном отношении к коренному русскоязычному населению и нелюбви к Отечеству [2, л. 97–98]. Обращая внимание на 2-классные училища, по мнению авторов данного обращения, их следует заменить профессиональными школами. Об этом должен быть сделан акцент в п. 5 указанных правил [2, л. 98]. В п. 7 особенно остро вставал вопрос о преподавании родного языка. Авторы обращения говорили о тенденциозности этих правил, связанных с несоразмерностью часов на изучение русского и родного языков. Особенно много споров вызвал п. 13 правил от 31 марта 1906 г., в котором говорилось: «Для облегчения учащимся инородцам перехода к изучению русского языка, учебные книги и пособия печатаются на инородческом наречии русскими буквами; для народностей, имеющих национальный алфавит, — книги эти печатаются по двойной транскрипции, русской и инородческой. Учебные книги и пособия издаются с переводом на русский язык или без перевода» [5]. Мусульманами введение русского алфавита рассматривалось как искоренение арабского языка. Связанно это и с тем, что мусульмане имеют свою литературу, написанную на арабском языке, которую следовало проходить в школах. К тому же арабский считается священным языком, на котором написано священное писание мусульман «Коран», поэтому данная мера рассматривалась как ущемление религиозных прав инородческого населения [2, л. 99–100]. Принятыми правилами запрещалось употребление в школах литературы, изданной за пределами России, что рассматривалось как «бесцельно-стеснительное правило», так как все книги при ввозе подвергаются цензуре.

Однако следует отметить, что данные правила опирались на привлечение мусульманского населения в консолидацию российского общества не через воздействие на религиозные убеждения инородцев, как предусматривалось разработанной ранее системой школьного образования инородцев Н.И. Ильминским, а через внедрение русского языка [1, с. 78].

В результате недовольства принятыми правилами представителями мусульманской фракции на рассмотрении Государственной Думы было подано прошение об отмене правил 31 марта 1906 г. [2, л. 115–117об.]. Благодаря активной борьбе мусульманского народа с принятыми правилами 1 ноября 1907 г. были приняты новые Правила о начальных училищах для инородцев. В новой редакции Правил были сделаны значительные уступки в вопросе языка обучения. По новому документу разрешалось использовать родной язык в качестве подсобного языка после двух лет пребывания в школе [6, с. 132].

Однако не следует видеть в магометанской системе образования строгий традиционализм. Безусловно,

традиционно настроенное духовенство всячески стремилось препятствовать внедрению русского языка в мусульманское образование, в связи с чем муфтию приходилось даже разъяснять пользу и важность изучения русского языка [1, с. 51].

В XX в. в мусульманской среде появляются тенденции на реформирование образовательной системы. Представители прогрессивных взглядов видят необходимость в приспособлении мусульманского населения к современным условиям жизни. Одним из основателей таких прогрессивных взглядов является И.Б. Гаспринский, посвятивший всю свою жизнь проблемам мусульманского образования в России. Им была разработана новая система мусульманского образования, которая получила в дальнейшем название новометодных школ. Именно в стенах этих учебных заведений в первые полтора десятилетия XX в. зародилась новая прослойка мусульманской интеллигенции [7, с. 34].

О стремлении просвещенного магометанского населения к реформированию системы конфессионального образования говорил и статский советник, директор народных училищ А.Е. Алекторов. Целью «прогрессивистов» стало стремление к приближению мусульманских школ к европейскому уровню. Они выступали за введение светских наук в курс медресе, но чтобы духовная составляющая оставалась прежней [8, с. 78]. Особое внимание в этих учебных заведениях уделялось языку преподавания. И.Б. Гаспринский признавал необходимость общегосударственного языка (русского) в системе высшего образования, однако для начальной школы он считал более полезным использование родного языка. Вместо зазубривания русских слов обучающиеся могли «приобрести общеобразовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию» [9, с. 111].

В 1913 г. на I Всероссийском съезде по народному образованию были сформулированы условия развития национальных школ. Во-первых, должны были быть отменены все национальные и религиозные ограничения. Во-вторых, преподавание должно вестись на родном языке. И, в-третьих, необходимо предоставить право частным лицам и обществам открывать школы и содержать их [8, с. 79]. Однако правительство не устраивала такая система народного образования, так как в таком случае контроль за народными школами затруднялся. К тому же, как правило, в них преподавали приглашенные учителя. К началу XX в., по сведениям Министерства внутренних дел, на территории Российской империи получают известность мугалимы — учителя, получившие образование за границей и не подвергавшиеся проверке в Российской империи,

которые занимались образованием бесконтрольно. Кроме того, по мнению Министерства внутренних дел, они могли угрожать интересам государства [2, л. 53]. В 1905 г. правительство было вынуждено обратиться к духовному собранию с просьбой издать циркулярное предписание. Данным указом подведомственному собранию духовенству запрещалось выдавать какие-либо свидетельства лицам иностранного происхождения, выдающих себя за святых и ведущих просветительскую деятельность на территории империи, во избежание нарушения государственного порядка [10, л. 263–263об.].

Получившие распространение в начале XX в. новометодные школы мало чем отличались от гимназий. К 1910 г. они реализовывали программу светского учебного заведения, заменяя изучение греческого и латинского языков, арабским и персидским [1, с. 61]. По мнению правительства, данные школы порождают новое поколение мусульманской интеллигенции, которое вызывает определенное опасение в среде царской администрации. В связи с этим в 1912–1913 гг. правительство приходит к выводу необходимости ограничения преподавания родного языка в школах, так как это способствовало «пробуждению национального самосознания» [8, с. 84]. Министр народного просвещения Л.А. Кассо считал, что «допущение инородческого языка при преподавании не способствовало ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного» [8, с. 82]. К середине второго десятилетия усиливается контроль за деятельностью магометанских школ. В 1915 г. Департамент духовных дел потребовал от духовного собрания предоставить книги и программы преподавания, используемые для обучения в начальных мусульманских школах, одобренных собранием [2, л. 55]. С 1909 г. правительство начинает активную кампанию по закрытию новометодных школ [8, с. 84].

В целом можно отметить, что несмотря на активное противостояние государственных властей и традиционного мусульманского общества, к началу XX в. назрела проблема реформирования национального школьного образования. В этой связи правительство не всегда было последовательно. Наряду с отказом от системы Н.И. Ильминского с начала второго десятилетия XX в. велась активная борьба с магометанскими школами нового типа. Не было единства по вопросам реформирования системы образования и в мусульманской среде. «Традиционалисты» придерживались позиции, что любые реформы мусульманского образования, которое основывается на нормах Корана, приведут к потере нравственности в мусульманской среде.

Библиографический список

1. Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. – Томск, 2008.
2. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИР РБ). – Ф. 295. – Оп. 11. – Д. 347.
3. Свод законов Российской империи. – СПб., 1896. – Т. 11.
4. Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. – 2007. – №3.
5. Эхо веков. Научно-документальный журнал. – 2005. – №1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/>.
6. Национальная политика России: история и современность. – М., 1997.
7. Прахт Д.В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // Религиоведение. – 2011. – №1.
8. Нам И.В. Татарская школа в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / ред. колл.: Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Томск, 2000.
9. Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // ЭО. – 1992. – №6.
10. ЦГИА РБ. – Ф. 295. – Оп. 11. – Д. 484.